

Дон Жуан (Дмитрий Бозин) мечется, оставаясь при этом неподвижным.

Фото Артема Житенева (НГ-фото)

Последняя не станет первой

Свою очередную премьеру Роман Виктюк представил на сцене Театра имени Маяковского

Независимая. —
2005. — 23 июня. — С. 7

Григорий Заславский

«Последняя любовь Дон Жуана, или Эшафот любви» — таково претенциозное название нового спектакля Театра Романа Виктюка. Когда другие театры отправляются в отпуск, Виктюк, напротив, возвращается из традиционных гастролей по Америке и Израилю, чтобы на одной из «освободившихся» площадок в центре Москвы выступить с творческим отчетом.

«Дон Жуан» Виктюка — не мольтеровский и не Эдварда Радзинского. Для своей истории про бессмертного обожателя и обольстителя режиссер выбрал пьесу Эрика-Эмманюэля Шмитта, одинаково популярного и плодотворного французского автора. Приключения его Дон Жуана — история не о встрече с каменной десницей Командора, чему по-

священо большинство написанных о нем историй. Дон Жуан Шмитта попадает в ловушку, устроенную ему обманутыми возлюбленными: они его судят и приговаривают жениться на последней жертве его многолобного сердца. Жениться или умереть.

Дон Жуан у Шмитта не безумный любовник и не поэт. Возлюбленные разных лет пытаются напомнить ему о себе, каждая рассказывает свою историю, но он — ничего не помнит и, кажется, ни одну из них не любит.

Пожалуй, в самом знаменитом спектакле Романа Виктюка, в «Служанках», после того, как история, написанная Жене, была вычерпана до конца, начинался танцевальный дивертистмент, многих тогда, на премьеры в «Сатириконе», даже шокировавший: мужчины выбегали на сцену голышом, с одними фиго-

выми листочками. «Последняя любовь Дон Жуана» воспринимается как такой вот дивертистмент, растянутый на три с половиной часа дорогого театрального времени. Авантюрную драму Виктюк тянет в разные стороны, свои реплики актеры проносят медленными тягучими голосами, даже самый «простодушный» жест выдается за священнодействие. Растянутые гласные, по идее, должны поощрять публику к психоделическому созерцанию костюмов и открытых в разрезах (по остроумной идее художника по костюмам Евгении Панфиловой) фрагментов обнаженного тела.

Между тем никакого священнодействия в спектакле нет. Напротив, манера, давно уже воспринимаемая как фирменный стиль Виктюка, тут очень скоро начинает утомлять и даже раздражать. В декорациях Владимира Боера, мало чем отличных

от тех же станков и деталей, что были прежде в «Козе» Виктюка, предыдущей его премьеры, теперь так же тянут слова и движения любовницы Дон Жуана и сам Дон Жуан (Дмитрий Бозин).

Выходит какая-то стоячая вода, в которой медленно передвигаются не слишком-то выразительные фигуры. Одно развлечение (правда, только во втором акте): следить за перемещениями краноподобной и одновременно — в контексте данной истории — фалообразующей конструкции, горизонтальный фрагмент которой то приподымается, то опадает.

Хотя, может быть, у режиссера были основания для подобного решения. «Я считала вас более изобретательным», — говорит дон Жуану одна из жертв его неводержанной страсти. На что Дон Жуан отвечает: «Для чего меняться волку, когда овцы все те же?»